

Цзян Чжу резко обернулся — инстинктивно, уже готовый оттолкнуть незваного гостя, — но замер, едва разглядел лицо. Пальцы разжались сами собой. Он перехватил Ши И за руку и крепко притянул к себе, не давая упасть.

— Ши И?

Окликнул дважды. Никакого ответа. Красивые глаза смотрели сквозь него — пустые, расфокусированные, затянутые дымкой, будто зеркало, запотевшее изнутри. Обычно в них жил огонь; сейчас не было ничего.

Тихий и покладистый — таким Ши И не бывал никогда.

Жар шёл сквозь ткань рукава — непрерывный, безудержный. Ладонь Цзян Чжу ощущала его даже через одежду. И ещё — едва заметную дрожь.

Ши И утратил рассудок полностью. Он не понимал, кто перед ним, не осознавал, что с ним происходит. Он чувствовал только запах — удивительный, глубокий запах, от которого унималась вечная его воинственность, расслаблялись натянутые до предела нервы и мышцы. Будто кто-то выключил тревогу, что давно уже стала фоновым шумом его существования.

Но запах был таким слабым. Лишь тонкие нити, едва уловимые. И Ши И потянулся вперёд — инстинктивно, бездумно — прижавшись к чему-то тёплому.

Он зарылся носом в эту теплоту и медленно, настойчиво повёл им из стороны в сторону, разыскивая источник.

В тот момент, когда Ши И прижался к нему, Цзян Чжу окаменел. Отступил на большой шаг, не выпуская руки — пальцы чуть подрагивали. Взгляд метался, не решаясь задержаться на лице.

— Нельзя... ты не можешь...

Слова оборвались.

Цзян Чжу резко повернул голову и впился глазами в Ши И.

Шея открытая — чуть порозовевшая. Щёки пылают. Так и хочется...

Он осторожно прикоснулся кончиками пальцев к щеке — едва-едва — и обжёгся.

Пальцы непроизвольно согнулись. А вот его ладонь на фоне такого жара казалась Ши И прохладной — почти живительной. Ши И чуть запрокинул голову и сам потёрся щекой о его

руку — этого показалось мало, и он не останавливался.

Лицо у него было маленькое — почти уместилось в ладони целиком. Нежная, гладкая кожа. Цзян Чжу невольно задержал дыхание.

Слишком близко.

В детстве он просто молча ходил за Ши И — держась чуть позади, на расстоянии, не близком и не далёком. Когда однажды вырубил его и нёс на руках — это казалось верхом допустимой близости.

Но то, что происходило сейчас, было несравнимо ни с чем.

Человек, о котором он думал всё это время. Человек, которого заставлял себя сторониться и держать на дистанции. Этот человек сейчас сворачивался клубком у него на груди — как котёнок, ищущий тепла, — и прижимался с такой детской доверчивостью, словно никого другого в целом мире для него не существовало. Там, где их тела соприкасались, становилось горячо. Цзян Чжу казалось, что ещё немного — и он обожжётся по-настоящему.

Он принял блокатор феромонов. Запаха Ши И не чувствовал. И всё равно — сердце неслось вскачь, каждая клетка тела вопила об одном: забрать, укрыть, не подпустить никого.

Цзян Чжу понимал, что с ним что-то не так. Никакого соблазна — а разум всё равно трещал по швам, грозя рассыпаться в любую секунду.

Щека Ши И нагрела его ладонь, и когда прохлада ушла — ушла и притягательность. Ши И недовольно поджал губы и снова принялся искать источник запаха.

Видя, что тот вновь тянется к нему, Цзян Чжу машинально сильнее упёрся руками ему в плечи — хотел отстранить. Но Ши И оказался похож на бескостного кота: совершенно не реагировал на то, что его руки зажаты, и упорно, липко лез ближе.

Единственный способ разорвать это — грубо оттолкнуть или вырубить.

Цзян Чжу закрыл глаза. Глубоко вдохнул. Заставил себя успокоиться.

Ши И сейчас не в себе. Если так продолжать — он может просто сгореть от жара; подавитель нужен немедленно. И чем дольше они торчат здесь, тем опаснее.

Он чуть ослабил хватку, позволяя Ши И прижаться, — уже готовился оглушить его и унести — как вдруг резко перехватил его, развернул и прижал к себе со спины, взгляд скользнул в угол, и всё тело мгновенно подобралось.

Несколько Альф шли сюда. Шатались, заплетались ногами — лица красные, как у мертвецки пьяных.

Один споткнулся, рухнул, встал. И снова побрёл вперёд — с мёртвым упрямством призрака.

Цель была очевидна.

Цзян Чжу прижал голову Ши И к своей груди. За прошедшее время он стал на полголовы выше, прежде тонкая фигура успела налиться силой — плечи широкие, осанка твёрдая. Одна рука легла на затылок, другая обхватила поясницу, заслонив собой полностью.

Как дракон, сторожащий сокровище. Ни пяди. Никому.

Он выпустил феромоны — плотно, обволакивающе, — накрывая Ши И целиком, запечатывая его запах внутри очерченного им круга. Безраздельно. Безоговорочно. Это моё.

Цзян Чжу не сводил глаз с приближавшихся людей. Феромоны пульсировали вокруг него, то накатывая, то отступая. Он уже был готов задавить их всех одним выбросом — подчинить, положить на месте, — как вдруг шею обожгло.

Что-то тёплое скользнуло по коже. Потом стало прохладно.

Он окаменел. Феромоны рванули неуправляемо — ближайшего Альфу смело и швырнуло о стену. Тот сполз на пол без сознания.

Цзян Чжу стоял, не дыша. Несколько секунд прошло в ступоре.

Они стояли лицом к лицу — Ши И уткнулся подбородком в его ключицу. Значит, только что он...

Осознав, что именно сделал Ши И, Цзян Чжу резко втянул воздух. Дыхание спуталось. По всему телу снизу доверху прокатилась горячая волна — и взорвалась в голове россыпью огней.

Хотелось отодвинуть его. Не дать снова так дразнить себя.

Хотелось притянуть ещё крепче. Вмять в себя, спрятать, никогда больше не отпускать.

Но нельзя.

Только он не может.

Только он...

Цзян Чжу дышал. Раз. Другой. Загонял себя обратно в берега. Делал вид, что ничего не было. Остальных Альф убрал тем же способом — одного за другим, — потом аккуратно стиснул пальцами загривок Ши И, не давая тому снова устроить что-нибудь подобное, и уже собирался поднять его на руки и унести туда, где будет безопасно.

Слух у него был отменный — где-то неподалёку прибывало ещё народу.

Промедление — смерти подобно.

— Стой! Подожди! Ты не имеешь права его трогать!

Учительница, что делала инъекцию подавителя, примчалась запыхавшись. За ней, растянувшись длинной цепочкой, тащились ещё семь-восемь человек — все Омеги, все еле живые. Медработники вели сидячий образ жизни; преследование Ши И по всей школе едва не стоило им последних сил.

Увидев, что Цзян Чжу собирается уйти с Ши И на руках, старшая учительница рванула вперёд — глаза покраснели от тревоги.

Директор лично предупреждал: ни в коем случае не допустить беды. Но помимо этого — они сами были Омегами и прекрасно понимали, что ждёт этого мальчика. Пусть и не знали, почему подавитель отказал, — смотреть, как Ши И достанется чужому Альфе, они были не в силах.

И потом, говорили, у него были блестящие способности — должен был дифференцироваться в высокоранговую Альфу, а вышло вот как. Наверное, никто с детства не готовил его к жизни Омеги, не объяснял, как беречь себя. Вот и довёл себя до такого.

Если бы он был Альфой — всего этого не случилось бы.

Бедный ребёнок.

И потому, хотя мощный Альфа-феромон давил на неё так, что подкашивались колени, учительница не отступила — шагнула вперёд, заслоняя Ши И.

— Простите, у вас есть подавитель? — спросил Цзян Чжу, притягивая Ши И поближе, и одновременно мягко уклонился от протянутых к тому рук.

Он смотрел на учительницу внимательно. Лицо казалось знакомым — должно быть, школьный врач.

По тому, как они смотрели на него, он примерно всё понял. Но отдавать Ши И не собирался.

— Да, есть. Пожалуйста, передайте его нам. — Учительница снова потянулась к Ши И, не спуская с Цзян Чжу настороженного взгляда. Она боялась. Боялась, что он сделает что-нибудь безрассудное — причинит вред себе или Ши И.

Но едва произнесла это — и сама почувствовала нечто странное.

Альфа под воздействием феромонов Омеги теряет разум. Они не говорят. С ними нельзя договориться. Никакой логики — только звериный инстинкт: сразить соперника, получить право. Пометить этого сладкого Омегу.

Но этот юноша был явно в сознании.

Как такое возможно?

Она оглянулась на тех, кто всё ещё брёл сюда, шатаясь. Класс феромонов у Ши И явно высокий — иначе откуда столько желающих. По всем законам исключений быть не должно.

И пусть даже у него железная воля и пока он держится — это не значит, что дальше он устоит.

— Я его друг. Принял блокатор. — Цзян Чжу сказал прямо, без лишних слов. Из рук Ши И отпустить не собирался.

Учительница чуть удивилась. Оглядела его ещё раз — недоверие в глазах поубавилось.

Блокатор феромонов. Обычные Альфы на такое добровольно не идут. Зачем отрезать себя от запаха Омеги — это же лишиться преимущества. Да они вообще считают, что следить за феромонами — удел Омег. Пусть сами контролируют себя, чтобы не оказаться в неловком положении. А Альфе? Альфе только в радость расчихнуть обоняние на полную мощность, когда рядом кто-то в течке. Это статус. Это тема для разговора за ужином.

Чтобы по-настоящему уважать Омег — не использовать феромоны как инструмент давления, — на такое способны единицы.

Мальчик удивил её.

— Даже так — прошу, отдайте его нам. Ему сейчас очень плохо. — Учительница смотрела твёрдо.

Цзян Чжу помолчал секунду. Попытался слегка отодвинуть Ши И.

Но стоило отстранить его хоть немного — тот тихо хныкнул, совсем по-кошачьи, извернулся и снова прижался вплотную.

Воинственность почти исчезла под давлением феромонов. Зато этот запах — такой приятный — не отпускал. Уходить от него Ши И не собирался.

— Учитель, — произнёс Цзян Чжу, взгляд чуть потеплел. Он ненадолго расслабил хватку, позволяя беспамятному упрямцу липнуть к нему, и осторожно похлопал его по спине. — Дайте мне подавитель. Я сделаю инъекцию сам.

Учительница переводила взгляд с одного на другого — всё более озадаченно.

Она помнила, как Ши И вёл себя с другими Альфами — даже с ближайшим другом не вышло иначе. Это ещё можно было объяснить: где-то глубоко теплилась крупца рассудка, и Ши И инстинктивно сопротивлялся метке. Оттого и дрался.

Но по дороге он уложил немало народу — несколько Альф всё ещё лежали поодаль в синяках и без сознания. Ши И был невероятно упрям.

Так почему же теперь, спустя несколько секунд, непреклонный боец вдруг превратился в послушного котёнка?

Он так доверяет этому чужому Альфе?

И ещё одно: Ши И просто жался к нему — не тянул к себе, не манил, не соблазнял, как это обычно делают Омеги в течке.

Из грозного демона — в ластящегося котёнка. И при этом никакого инстинктивного зова.

А Альфа — держится...

Картина не укладывалась в голове. Учительница стояла, хлопала глазами и никак не могла прийти в себя.

— Отдайте мне, — мягко, но настойчиво повторил Цзян Чжу, глядя на неё спокойно. — Его состояние нестабильно. Чем скорее — тем лучше.

Учительница подумала. Ши И и вправду нельзя медлить. Если так продолжать — весь кампус поднимется на ноги, и тогда уже не совладать.

Ни один Альфа с блокатором, ни горстка медработников не удержат натиск нескольких

десятков тысяч человек.

Она торопливо достала подавитель и протянула Цзян Чжу. Тот снял колпачок, и учительница поспешила добавить:

— Он уже в глубокой течке. Коли прямо в шею — подействует быстрее. Только осторожно, без лишней силы, чтобы не навредить...

Цзян Чжу затаил дыхание. Медленно, аккуратно ввёл препарат в тонкую белую шею — взгляд оставался твёрдым, на железы он старался не смотреть.

Острая боль укола прошла Ши И — тело на мгновение напряглось, потом обмякло. Он привалился к Цзян Чжу, щекой прижимаясь к его шее, дыхание выровнялось. Кажется, полегчало.

— Ну и ну, наконец-то, — выдохнула учительница с облегчением. Протянула руку, помогая удержать Ши И, и покачала головой. — Намучился с ним, да? Уже вторая инъекция, а первая как в воду ушла. Этот препарат сам по себе вредный — много не навводишься. Ещё и носится, дерётся, хоть бы что — ну и силища у мальчишки, в мехах учится, это видно...

Цзян Чжу разжал руки. Пальцы медленно скользнули по спине Ши И — и чуть задержались.

Он опустил голову, уже готовясь передать его учительнице, — но тот вдруг снова забился.

— А... у...

Ши И пришёл в движение — забился, начал крутиться. Пустые глаза распахнулись. Ноздри дрогнули. В глубине взгляда мелькнула ярость — он разворачивался в сторону Альф, явно намереваясь идти в бой.

Воняет. Невыносимо.

Это нужно уничтожить.

Цзян Чжу тут же снова обхватил его и отступил на шаг — подальше от вздрогнувшей учительницы.

— Тихо, тихо. Всё хорошо... Ш-ш, не надо...

Он ритмично похлопывал Ши И по спине. Потом выпустил феромоны — снова, как раньше: обволакивающим коконом, запечатывая Ши И внутри. Он хотел только одного — отрезать его

от чужих запахов. Тогда, что бы ни случилось, все инстинкты Ши И будут направлены лишь на него. И только он сможет гарантировать, что с Ши И ничего не случится.

Но произошло нечто неожиданное.

Почувств его феромоны, Ши И затих.

Медленно опустились веки. Ни тени прежней ярости — только мягкое, беззащитное спокойствие. Он уткнулся носом в шею Цзян Чжу и принялся тихонько тереться — покладисто, совсем безобидно.

Его феромоны успокаивают Ши И?

Цзян Чжу почувствовал, как чуть дрогнули ресницы. Снова прижал его к себе. Посмотрел на учительницу.

— Он всё ещё нестабилен. Я свяжусь с его личным врачом. Но сейчас жар, похоже, не спал до конца — ему нужно тихое, закрытое место. — Он поднял Ши И на руки.

Ши И тут же обвил его шею руками — и не думал отпускать.

— Но... — Учительница нахмурилась.

Лучшего выхода, впрочем, не было. Если подавитель не действует — в медпункте Ши И только продолжит притягивать Альф. Закрытое общежитие Омег с феромональной защитой не подойдёт — там он снова может сорваться в агрессию.

Изолированное пространство. Один на один. Пожалуй, единственный реальный вариант.

Но оставлять Ши И наедине с незнакомым Альфой в замкнутом помещении учительница не могла.

Она нагнала их у двери закрытого тренировочного зала.

— Может, я войду вместо...

Но и это рассыпалось само собой.

Стоило Ши И оказаться вдали от Цзян Чжу — он тут же начинал нервничать. Веки лихорадочно подрагивали, из горла вырывалось тихое невольное мычание, лицо искажалось — вот-вот бросится в драку.

Никакого покоя. Ни секунды.

Делать нечего. Как учительница ни противилась, пришлось пустить их вместе. Сама осталась в углу неподалёку.

Ши И тем временем уgomонился. Свернулся у Цзян Чжу на руках — почти по-детски, — прижался к плечу и тихонько жался, жался, жался.

Цзян Чжу медленно выдохнул.

Сладкая пытка.

Но время шло — и Ши И уже чувствовал нехватку. Он запустил пальцы в воротник Цзян Чжу и оттянул ткань, добираясь до ключицы, — и принялся кусать. Нежно, но настойчиво. Как будто пробовал на вкус что-то редкое и дорогое.

Цзян Чжу казалось, что он сходит с ума. Но воля держала. Крепко.

Он повернулся спиной к учительнице, загораживая Ши И от её взгляда.

Расстегнул первую пуговицу воротника.

И позволил.

Пусть кусает. Пусть делает что угодно — лишь бы ему было хорошо. Хоть немного. Хоть чуть-чуть.

Цзян Чжу сделал бы это не задумываясь.

В тесном пространстве тренировочного зала воздух сделался густым, тягучим. Что-то невысказанное растворялось в нём — юношеское, нежное, неловкое — и таяло в этом безмолвном утешении.

Ши И пришёл в себя в больнице.

В частной клинике Хань Вэньсюаня.

— Очнулся? — Ему протянули стакан воды. — Выпей, в горле пересохло, наверное.

Хань Вэньсюань стоял рядом, и взгляд у него был непривычно серьёзным.

Ши И таким его не видел ни разу.

— Что случилось? Что за выражение лица?

— Подавитель отказал. Ты вошёл в течку. Помнишь?

Хань Вэньсюань убедился, что сознание ясное и жар спал, и повёл Ши И к себе в кабинет.

Ши И нахмурился. Воспоминания были мутными, обрывочными. Кажется, чувствовал невыносимый запах. Кажется, дрался. Потом рука машинально потянулась к шее — к ноющему месту, — и лицо стало ещё хмурее.

Значит, вот как это бывает. Полная потеря рассудка. Никакого самоконтроля. Ни малейшего.

Неудивительно, что Омеги с таким страхом ждали течки: готовились заранее, брали отгулы, не выходили из дома, носили с собой подавители — и для себя, и чтобы помочь другим в случае чего. Никаких гарантий. Никакой защиты.

С любой точки зрения — издевательство. Отнять разум, превратить человека в существо, живущее только инстинктом. И это считается нормой?

Что удивительного, что Альфы никогда всерьёз не воспринимали Омег — если те сами не способны управлять собственным телом. Где уж тут говорить об уважении.

Но ведь они сами этого не хотели. Никто из них не хотел.

— До того как мы успели добраться до тебя, тебе уже ввели два подавителя, — продолжил Хань Вэньсюань, видя, что тот что-то вспоминает. — Оба не сработали. Предполагаю, что дело в классе твоих феромонов — обычные препараты на тебя попросту не рассчитаны.

S-класс. Таких Омег прежде не существовало — и понятно, что стандартные средства здесь бессильны.

А значит, Ши И оказывался в постоянной опасности.

— И что ты сделал? — спросил Ши И, глядя на него. — Раз уж я живой и в себе — значит, нашёл выход.

— Ши Юй привёз специальный препарат. Он принудительно подавил течку. Но это временная

мера. — Хань Вэньсюань нахмурился. — И с очень тяжёлыми побочными эффектами. Твой организм такого не выдержит регулярно.

Ши И помолчал.

Выбора не было. Он это понимал.

Если не контролировать течку — и то своё особое состояние, что шло с ней рука об руку, — с учёбой придётся попрощаться. Академия не станет терпеть рядом с собой живую бомбу.

— Но есть ещё один вариант. — Хань Вэньсюань открыл дверь кабинета и мягко подтолкнул Ши И внутрь. — Хочу знать твоё мнение.

В кабинете уже кто-то был.

Цзян Чжу сидел у окна и смотрел куда-то в сторону.

— Почему он здесь? — Ши И невольно нахмурился. Внутри поднялась волна раздражения. Последнее, чего он хотел, — чтобы Цзян Чжу видел его в таком виде.

— То, о чём я хочу говорить, касается его тоже. Так что послушай сначала. — Хань Вэньсюань усадил Ши И и успокаивающе сжал плечо. — Спокойно.

Его взгляд прошёлся по обоим.

— Когда мы добрались, вы стояли совсем рядом. Феромонный фон был почти у порога, но ничего экстраординарного не происходило. Стоило тебя отодвинуть — ты начинал нервничать. Казалось, его присутствие тебя стабилизирует. Поэтому мы взяли его тоже и провели проверку.

Хань Вэньсюань постучал пальцами по столу. Медленно, по слогу.

— Ваш уровень совместимости — девяносто девять процентов.

Ши И распахнул глаза. Цзян Чжу на мгновение застыл.

Такой совместимости не знала вся история звёздного пространства. Выше девяноста — уже редкость, уже «судьба, написанная звёздами».

Девяносто девять.

Что это вообще означает? Какого масштаба эта цифра?

Хань Вэньсюань дал им секунду — и продолжил:

— Поэтому, чтобы избежать повторения... есть ещё один способ. Временная метка. Тогда...

Невозможно.

— Нет. — Цзян Чжу отказал раньше, чем Ши И успел открыть рот.

Ши И медленно повернул голову.

Смотрел на него.

Сам он тоже не хотел — метка ему была не нужна ни при каких обстоятельствах. Но когда Цзян Чжу произнёс это так — прямо, без колебаний — что-то кольнуло.

Как пощёчина. Резкая, неожиданная.

Значит... он и правда так меня ненавидит.

Ну и хорошо. Его собственная гордость тоже не позволит ему согласиться. Метка Альфы — это конец. Придаток. Собственность. Он скорее сойдёт с ума.

Тогда всё, чего он добивался, потеряет смысл.

— Это исключено. Должен быть другой выход. — Ши И смотрел на Хань Вэньсюаня — твёрдо, без тени сомнения.

— Я уже сказал: тот препарат слишком тяжело бьёт по организму. Долго не протянешь...

Хань Вэньсюань нахмурился. Не стал говорить лишнего при Цзян Чжу — но молчать, пока этот мальчик творит с собой чёрт знает что, он тоже не мог.

— Я сам знаю своё тело, — ответил Ши И холодно.

Встал. Вышел быстрым шагом. Ни секунды лишней в этой комнате, ни вдоха одного воздуха с этим человеком.

Спина прямая. Гордость — последнее, что осталось.

— Упрямец. С детства такой. — Хань Вэньсюань проводил его взглядом, тихо вздохнул. Обернулся к Цзян Чжу, голос потеплел. — Спасибо, что не бросил Сяо И. Без тебя всё могло сложиться куда хуже. Ты сам, наверное, вымотался — иди отдыхай.

Цзян Чжу не встал.

Он долго сидел, не двигаясь. Потом поднял голову.

— Хань-медик. Вы сказали, что мои феромоны его стабилизируют. Я подумал... — Он говорил ровно. — Если извлечь мои феромоны и ввести их в состав подавителя — можно синтезировать средство специально под него. Тогда в следующую течку ему не будет так плохо.

Глаза Хань Вэньсюаня вспыхнули. Он был практиком, а не теоретиком — такого подхода в практике не существовало. Но что-то подсказывало: это сработает.

— Но... — Он смотрел на Цзян Чжу, медленно подбирая слова. — Это может причинить тебе огромный вред. И боль.

Он привязался к Ши И за эти годы — больше, чем к кому-либо другому. Но профессиональный долг требовал говорить правду.

Извлечение феромонов — не то же самое, что их добровольный выброс. А феромоны в состоянии реакции на течку Омegi разительно отличаются от фоновых. Это означало: Цзян Чжу придётся принудительно вводить в состояние неконтролируемого возбуждения с помощью химических средств — и вытерпеть забор именно в этом состоянии. Без подавителей. Снова и снова.

Такое давление на железы чревато необратимыми последствиями: снижение чувствительности, стремительное истощение, постоянное падение рейтинга.

Он предлагал заплатить собственным здоровьем и будущим за то, чтобы Ши И спокойно переживал течку.

Кто в здравом уме на такое пойдёт?

Тем более когда есть метка — взаимная, честная, без ущерба ни для кого.

Хань Вэньсюань смотрел на этого юношу и не понимал. Он видел заботу о Ши И — настоящую, без прикрас. Видел беспокойство в глазах. Видел, как тот держал его — бережно, надёжно.

Так почему же отказался так легко?

— Не нужно меня жалеть. — Цзян Чжу произнёс это ровно, без надрыва. — Берите столько, сколько нужно. Я выдержу.

Лишь бы ему было хорошо.

Даже если это стоит жизни.

<http://bllate.org/book/20113/1993473>